

Они познакомились в Сучжоу. Всё, начиная от его одежды до поведения, намекало, что Чжао Цзихэн богатый человек, однако его характер был прямолинейным и ярким. Даже после того, как Бай Шици избил его до полусмерти, они все равно смогли стать друзьями, что было примечательно. Бай Шици спросила о его семейных делах, и он ответил: «Просто зарабатываем себе на жизнь потихоньку под руководством своих родных». Он приехал из столицы Цзин и бессмысленно болтался там-сям, пока его семья занималась бизнесом. Их обоих можно было считать необремененной тяжёлыми делами золотой молодёжью, проводящей свою жизнь в развлечениях и женщинах. Но сейчас Чжао Цзихэн выглядел смущенно. Его глаза избегали прямого взгляда, и он только нерешительно пробормотал: — Мой двоюродный брат ... является государственным чиновником. — И какое у него официальное звание? — заинтересовалась Бай Шици. У судоходной компании на самом деле было незавидное положение. Каждый год Бай Шици отправлялась на север, чтобы сопровождать провизию, и ей приходилось иметь дело с чиновниками высокого или низкого рангов на каждом контрольно-пропускном пункте по пути. Даже мелкий чиновник девятого ранга осмеливался придрататься и требовал от нее взятки, так что она с раннего возраста понимала страдания простых людей. Чжао Цзихэн однако не торопился с ответом. — ...Слишком пошло говорить о чьем-либо звании! — заявил он. Положение принца превосходило все чины, если бы он сказал правду, смог бы он напугать нарушающую закон Бай Шици, не так ли? Бай Шици только наступила ему на ногу. — О чем ты? Твой двоюродный брат выглядит чересчур консервативным, он на самом деле не похож на человека, который может заискивать перед своим начальством, и его беспокоят дела страны и ее граждан, его официальный ранг очень высок, да? У себя в уме она без труда сложила этот пазл. Чжао Уцзю не мог быть тем, кто поднимется по карьерной лестнице, заискивая перед другими. Он был старомодным человеком, который заработал свое звание упорным трудом. — Ладно, неважно, в любом случае, даже если у него шестой или седьмой ранг, по сравнению с таким гражданским лицом, как я, он все равно намного сильнее. Социальный класс был строго разграничен, разница в статусе между чиновниками и перевозчиками провизии на корабле, подобными ей, была как разница между Небом и Землей. Чрезмерно консервативный парень, заботящийся о стране и гражданах, тем временем затих за стеной. — Довольно близко.... — виновато улыбнулся Чжао Цзихэн. Технически, начальником принца является нынешний Император, его отец и монарх. Двоюродному брату ... конечно, не нужно придумывать способы выслужиться перед собственным отцом, верно? — Тебе нужно изменить свой образ жизни и прекратить хвастаться! — с издёвкой отозвалась Бай Шици, обладавшая богатым жизненным опытом. Чиновники из Цзин были повсюду. Стоило только пылинке упасть в неподобающем месте, как тут же появлялось несколько чиновников четвертого ранга с проверкой. Чжао Цзихэн не умел скрывать что-либо, поэтому она решила, что ей нужно будет серьезно поинтересоваться официальным званием Чжао Уцзю, чтобы не разрушить ничью репутацию. Смущение друга не было обнадеживающим. Однако она больше не спрашивала о его прошлом и решила обсудить вопрос вылазки с лодки, начав искушать Чжао Цзихэна: — Следующий город очень оживленный, хах, ты сможешь хорошенько поесть, выпить и поиграть. Ты бы предпочел остаться на борту и попрактиковаться в стойке всадника, или сойти на берег, чтобы прогуляться? — Естественно, мы не можем просто так сойти на берег. Как оставим двоюродного брата на борту? — не задумываясь ответил Чжао Цзихэн. Чжао Уцзю определенно не согласился бы позволить ему бродить по городу и развлекаться! — Предоставь это дело мне! — Бай Шици похлопала его по плечу. \*\*\*\*\* Чжао Цзихэн провел еще два дня, практикуя стойку всадника. Шу Чанфэн искал Бай Шици на корабле несколько раз, но ему не удалось найти ее укрытие. В конце концов корабль остановился в довольно благополучном городке, чтобы пополнить запасы фруктов, овощей и других продуктов. Когда корабль встал на якорь в доке, Бай Шици лично пошла в соседнюю комнату, чтобы встретиться с Чжао Уцзю, с теплой улыбкой она начала: — Возможно, братцу немного душно? Давайте сойдем с корабля и прогуляемся по городу! — Шици тут же принялась толкать инвалидную коляску. — Молодой глава Бай, мой господин не собирается сходить с корабля! — поспешно выступил вперед Шу

Чанфэн, чтобы остановить ее Но Бай Шици было наплевать. Она все еще толкала инвалидную коляску, попутно критикуя Шу Чанфэна: — Да что ты знаешь? Целый день сидя в закрытом помещении в одиночестве, можно легко заболеть сердечными недугами! Ты, как подчиненный, не только не помогаешь в решении проблем своего господина, не придумываешь способы его развлечь, ты на самом деле доходишь до того, что не позволяешь ему выходить на свежий воздух, какой некомпетентный подчиненный! Если ты действительно беспокоишься о его безопасности, то собери всех, чтобы следить за ним и защищать во время прогулки! Чжао Уцзю никогда не встречал человека, который говорил бы от его имени прямо в его присутствии и принимал решения от его имени, не спрашивая его мнения. От неожиданности он даже не смог возразить ей, когда его уже вытолкнули из каюты. За пределами комнаты вставало утреннее солнце, над причалом было оживленно гудела толпа. Когда Бай Шици спустила его с корабля, она повернулась к дяде Гуаню и подала глазами знак, одновременно инструктируя его: — Овощи, фрукты, а также купи много мяса. Не задерживайся! Дядя Гуань только почтительно кивнул. — Молодой глава может отдохнуть в свое удовольствие, оставьте это мне. Бай Шици толкнула инвалидную коляску Чжао Уцзю, чтобы встретить Чжао Цзихэна, который уже спрыгнул с корабля на причал. Чжао Цзихэн увидел, как она толкает инвалидное кресло Чжао Уцзю. Выражение лица последнего было серьезным, похоже, очень недовольным. Шу Чанфэн к этому времени уже собрал кучу встревоженных охранников, и все сердито следовали за ними, как будто хотели начать драку. Чжао Цзихэн вспомнил заверения Бай Шици, у него тут же выступил пот на лбу. — Шици, сюда! — махнул он рукой издали. Бай Шици толкала инвалидную коляску, Чжао Цзихэн громко кричал; эти действия сразу привлекли внимание всех на причале. Люди повернули головы, чтобы посмотреть, и, когда они увидели Чжао Уцзю, сидящего в инвалидном кресле, они не могли не взглянуть на него из любопытства. С тех пор, как Чжао Уцзю потерял чувствительность в обеих ногах, он не мог даже вообразить себя в такой ситуации. Он жил в уединении. А когда обнаружил, что все слуги дворца, включая его личных помощников, смотрят на него странным взглядом, изгнал их. Каким бы гордым он ни был, он чувствовал злость. В итоге, с ним остались только охранники, привлеченные из армии. Сейчас он твердо сидел в инвалидном кресле, едва сдерживаясь от того, чтобы устроить скандал на публике. Однако ему нужно было сохранять достойный вид. — Вернись обратно. — выдал он. Чжао Цзихэн, который шел перед ними, немного отошел назад, притворившись глухим и немым. В конце концов, он желал избежать гнева Шу Чанфэна, который неизбежно последовал бы по возвращении. Но Бай Шици только наклонилась ближе к уху Чжао Уцзю, тихим голосом спрашивая: « — Куда это хочет вернуться двоюродный брат? На корабль или в свою резиденцию в столице, чтобы прятаться в своей комнате всю оставшуюся жизнь? Ее теплое дыхание мягко окужило уха Чжао Уцзю, и ему показалось, что она его коснулась. Более смелые люди, которые шли рядом с ними, бросали на них странные взгляды, при этом всё равно выглядя так, словно в их жилах кровь стыла. Гнев, вызванный тем, что Бай Шици приняла решение за него, не посоветовавшись, неожиданно быстро рассеялся, и он просто проглотил свой язык в растерянности. Бай Шици там временем молчала. У группы охранников, которые слышали, что Шу Чанфэн всех созвал и сказал, что Бай Шици собирается отправиться с принцем за покупками, чуть не вылезли из орбит глаза. Они пришли, чтобы разобраться с этим, и были готовы подчиняться приказам, но обнаружили, что Бай Шици наклонилась и задушевно разговаривала с господином. Более того, их господин, похоже, не проявлял никаких признаков гнева, он даже позволил Бай Шици толкать его кресло. Все без исключения чувствовали себя растерянными. Они бросили взгляд на Шу Чанфэна, безмолвно прося о помощи. — Откуда мне знать, что делать в этой ситуации? — так же потерянно отозвался он. С тех пор, как господин потерял чувствительность в ногах, он редко выходил наружу. Если бы не поездка в Цзяннань в поисках знаменитого врача, он бы вообще никогда не вышел из поместья. Группа следовала за Чжао Уцзю на расстоянии. Они рассредоточились, рассматривая окрестности, тщательно защищая своего господина. Чжао Цзихэн в то же время полностью осознавал огромную ответственность и сдерживал неясное рвущееся из груди

веселье. Бай Шици была единственной, кто ничего не знал о ситуации, потому она вела себя непосредственно. Она также искренне, казалось, интересуясь мнением Чжао Уцзю, когда они натыкались на разные закуски: «— Двоюродный брат, хочешь попробовать?» Он даже не успел открыть рот, чтобы отказаться, а в его руках уже был горячий кунжутный блинчик.

Несчастный драгоценный принц Чжоу рос во дворце с самого рождения, окруженный золотом и нефритом. Позже, когда он был в армии, кто-то всегда заботился о его основных потребностях. Как чрезвычайно самодисциплинированный человек, ел ли он хоть когда-нибудь на ходу? Бай Шици знала, насколько тщеславным может быть императорский дом. Откусив поджаренный хрустящий кунжутный блин, ощутив вкусный сок мясного фарша внутри блина, она удовлетворенно вздохнула. — Жалко, что Старый Ху не умеет готовить блины. — с сожалением отметила она. Старый Ху был поваром из Сучжоу, которого она специально пригласила работать на борту, чтобы готовить настоящую кухню Су, которая сильно отличалась от еды и напитков северных регионов. Однако, когда дело доходит до жарки баранины, он не сравним с поварами из столицы Цзин. Чжао Цзихэн с полным ртом ароматной еды все еще нахваливал своего друга: — Ох, если кто-нибудь когда-либо захочет узнать всё о редких деликатесах, он обязательно должен найти тебя! — Скорее уж тебя, — буркнула Бай Шици из скромности, не осмеливалась примерять на себя имя богатого ребенка в белых шелковых одеждах. Опустив голову, она увидела, что Чжао Уцзю все еще держит в руках завернутый в масляную бумагу блинчик, не зная, с чего начать, а потому с радостью переключила своё внимание на него. — Двоюродный брат, попробуй. Фарш в кунжутных блинах сестры Ву готовится особым образом, они сильно отличаются от блинов из других регионов. Шици грубо выхватила масляную бумагу из его рук и поднесла блин к его рту. Запах кунжутных блинов проник в его ноздри. Прошло некоторое время с тех пор, как Чжао Уцзю, привыкший к легким блюдам в стиле Су в течение нескольких дней на борту, ел что-нибудь более тяжёлое. Он невольно откусил, а затем внезапно поднял голову, чтобы осмотреться, похожий на горного зверя посреди трапезы - привычка всегда сохранять бдительность.

Первоначально он думал, что другие люди не только будут удивлены, но и сочтут это явление странным. Обе его ноги были парализованы, но, несмотря ни на что, он все еще ел блины посреди улицы. Но лишь два-три человека за всё время оглянулись на них, в то время как большинству прохожих, казалось, даже не было дела. Образование в императорском доме было строгим, а этикет — многогранным, сложным и временами даже невообразимым. С детства Чжао Уцзю был скрупулезным. Его даже можно было назвать самым образцовым из всех принцев, не считая, разумеется, будущего наследника престола. Если он писал одну букву неправильно, то переписывал её если не десять, то как минимум восемь раз. Если он действовал неправильно, то продолжал практиковаться до тех пор, пока не достигал совершенства хотя бы на восемь десятых. То, что Бай Шици считала обычными и нормальными вещами, с его точки зрения, уже считалось выходящим за рамки приличия. Он не мог отказаться от этикета, которому научился во дворце. Это случалось только на поле битвы, где жизнь и смерть единственные диктовали свои законы, но как только он возвращался к обычной жизни, манеры, прежде отодвинутые в сторону, также возвращались к нему, хотел он того, или нет. Шу Чанфэн, отстававший на пять шагов, посмотрел на принца Чжоу, который сидел в инвалидном кресле и ел кунжутные блинчики на улице. Без всякой причины он неожиданно почувствовал грусть: «Как господин мог опуститься до такого?» Увидев, что Чжао Уцзю наконец откусил край лепёшки, Бай Шици снова сунула блин ему в руку. Одной рукой она подтолкнула инвалидное кресло вперед, а другой откусила собственный блин. Попутно она покупала какие-то вещи у уличных торговцев. В её руки уже не могло вместиться больше, поэтому в итоге она свалила все на колени Чжао Уцзю. — Паршивый мальчишка! — фыркнул он. Чжао Уцзю вынужден был признать, что начинка из фарша в кунжутных лепёшках была очень вкусной. Он съел блин за несколько укусов. — Что ты собираешься делать с этими детскими игрушками? — Чжао Уцзю повернул голову, чтобы найти стойку с блинами, но... очевидно, они уже прошли некоторое расстояние. — Подарю их своим маленьким друзьям в

качестве подарков, — проследив за его взглядом, Бай Шици усмехнулась, — Не ешь слишком много кунжутных блинов. Если съешь слишком много сейчас, в следующий раз, когда ты будешь в этом городе, это будет не так восхитительно, как в первый. — Что это за новая теория? — закатил глаза Чжао Уцзю.

<http://tl.rulate.ru/book/51381/1311876>